

Научная статья

УДК 81.6

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.13

АГРЕССИВИЗАЦИЯ И ЛЮДИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В СВЕТЕ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТЕЙНМЕНТА

Алексеев Александр Борисович

Российская Академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,

Москва, Россия,

neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению коммуникативных свойств политейнмента. В фокус исследования, осуществляемого общенаучными и лингвистическими методами, попадают прежде всего явления агрессивизации и людизации, которые, как показывает их изучение, часто неотъемлемы друг от друга, что соотносится с людической функцией невежливости, превращающейся в тейнмент-технологию. В работе выделены несколько приемов, которые способствуют привнесению в политический дискурс интерактивных элементов. В их числе: риторическая фигура прохождения, гиперболизация (гротеск), инструмент языковой игры, эвфемизация, дисфемизация, иронизация (самоирония), эффекты обманутого ожидания и саспенса, лингвистическая апроприация. Не все из них следует квалифицировать способами осуществления речевой агрессии. К примеру, самоирония, обладая людическими и даже манипулятивными потенциями, в отличие от иронии, едва ли когда-либо соотносится с невежливостью. Тем не менее большинство из выделенных техник коммуникативного воздействия способны трансформировать политический дискурс в политейнмент именно ввиду возможности посредством них оказать речевое и психологическое давление на политического соперника. В своих крайних проявлениях людизация, сочетаясь с агрессивизацией, фактически предполагает осмеяние и коммуникативное уничтожение человека, выступающего идеологическим или политическим противником говорящего, для чего особенно эффективными могут быть гиперболизация и гротескное портретирование. В других случаях людический эффект достигается и более «мягкими» приемами: прохождением, иронизацией и т. д. Иногда в результате людизации и агрессивизации меняется коннотативное содержание некоторых слов. Так, с помощью лингвистической апроприации любая инвектива открыта переосмыслению. В дальнейшем предполагается обратиться к подробному рассмотрению и иных коммуникативных явлений, способствующих становлению политейнмента, вписанного в более общие структуры тейнмент-дискурса как гипердискурса, — мидизации, симплизации, ювенилизации.

Ключевые слова: гибридный дискурс, людизация, политейнмент, развлекательный дискурс, речевая агрессия, тейнмент-технология, языковая игра.

Для цитирования: Алексеев, А. Б. (2023). Агрессивизация и людизация политического дискурса в свете изучения политейнмента. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(52), 170–185. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.13>

Original article

UDC 81.6

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.13

AGGRESSIVIZATION AND LUDIZATION OF POLITICAL DISCOURSE IN THE LIGHT OF POLITAINMENT STUDIES

Alexander B. Alexeyev

The Russian Academy of Economics and State Service
by the President of the Russian Federation,
Moscow, Russia,

neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Abstract. The article considers communicative features of politainment. Aggressivization and ludization are the primary focus of the research carried out through the intermediary of general scientific and linguistic methods. The phenomena under study are often inseparable from one another and this corresponds to the ludic function of impoliteness, being transformed into a tainment technology. The research witnesses a number of techniques singled out. They are as follows: the rhetorical figure of mentioning, hyperbolization (grotesque), the tool of language play, euphemization, dysphemization, ironization (self-irony), the effects of defeated expectancy and suspense, linguistic appropriation. Not all of them ought to be qualified as the methods of speech aggression realization. For example, self-irony, having ludic and even manipulative potencies, unlike irony, is hardly ever associated with impoliteness. Nevertheless, most of the techniques in question are able to transform political discourse into politainment precisely because they prompt to exert speech and psychological pressure on the political rival. In its extreme cases, ludization combined with aggressivization presupposes mockery and communicative annihilation of the ideological or political foe. For this, hyperbolization and grotesque portraying can be most effective. In other cases, the ludic effect is achieved by ‘softer’ techniques: mentioning, ironization, etc. Sometimes, as the result of ludization and aggressivization, connotative aspects of some words are changed. Thus, every invective is open to reconsideration with the help of linguistic appropriation. Further studies suppose a more detailed account of other communicative trends like mediatization, simplification, juvenilization, that contribute to politainment emerging to be inscribed into more general structures of tainment discourse as hyperdiscourse.

Keywords: hybrid discourse, ludization, politainment, interactive discourse, speech aggression, tainment technology, language game, lamnguage play.

For citation: Alexeyev, A. B. (2023). Aggressivization and ludization of political discourse in the light of politainment studies. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(52), 170–185. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.13>

Введение

Дискурсивная деятельность — в аспекте наделенности дискурсов миро-моделирующими, креативными потенциями — предполагает генерацию и трансляцию социальных знаний (Семенова, Скулимовская, 2022, с. 84), как правило, лимитированных сферой применения, но склонных к постоянному, большему или меньшему взаимодействию друг с другом. В XXI веке — с его технологическими возможностями, глобальным консьюмеризмом, неоднозначным отношением к морали, а в плане политической идеологии относительным, но активно

продвигаемым демократизмом — область пересечения, казалось бы, несовместимых дискурсов значительно расширилась.

В результате любых трансформаций дискурсов неизбежны общественные разногласия (*нем.* Reibungen und Unstimmigkeiten) (Kinzel, 2000, S. 6), и современная дискурсивная практика служит тому подтверждением: даже лингвисты не всегда могут сойтись во мнениях насчет желательности/вредности тех или иных изменений в языке и речи. Спорными выступают такие, на первый взгляд, несложные — особенно с научной точки зрения — понятия, как «вежливость», «речевая агрессия», «политкорректность», «свобода слова».

Происходит не только гибридизация хорошо известных лингвистам дискурсов, но на ее фоне уже сформированы и формируются новые дискурсивные пространства, к примеру киберспортивный журналистский дискурс (Мальцева, Лебединская, 2022; Мальцева, 2022), находящийся под влиянием спортивной, виртуальной, массмедийной и *развлекательной* культур, вызванный к жизни популяризацией киберспорта. Признание нетривиальности понятия «развлекательность» побуждает ученых искать пути его исследования, в том числе с позиций междисциплинарной дискурс-теории, в иностранной филологической литературе справедливо наделяемой определениями ‘meta-(inter)disciplinary’ и ‘meta-methodological’ (Leonard, 2010, p. 11), позволяющей активно привлекать в языковедческих работах положения, заимствованные из смежных гуманитарных наук.

Развлекательный дискурс обычно направлен на доставление адресату удовольствия, в чем проявляет себя гедонистический мотив современной культуры, иногда носящий редуцированный характер: интерактивные элементы, проникая в коммуникативные среды, не способны полностью вытеснить их изначальную тематическую линию. Так, развлекательное образование — эдьютейнмент — не перестает выполнять свои первостепенные функции просвещения. То же самое характерно и для развлекательной политики, которую, хоть Б. де Жувенель и осуждал как «цирк для безумцев» (Жувенель, 2011, с. 93), нельзя представить себе вне политического контекста.

Материал и методология исследования

Для систематизации всех вариаций гибридных развлекательных дискурсов филологи начинают использовать термины «тейнмент-технологии» и «тейнмент-коммуникация», по имеющимся у нас данным, пока не приобретшие конвенциональность, как, впрочем, и некоторые по отношению к ним термины-гипонимы, такие как «бизнестейнмент», «спортейнмент», «сайенсейнмент». Наибольший интерес проявлен к рассмотрению политейнмента и инфотейнмента (Грошева, 2022; Стырина, Мартиросян, 2021; Dörner, 2001).

Принимая во внимание богатое разнообразие тейнмент-коммуникации, репрезентированной *тейнмент-дискурсами*, многие из которых еще достаточно поверхностно изучены, в статье обратимся лишь к одному из них — политейнменту, — трактуемому здесь широко. Наличие любых интерактивных элементов в политике, в том числе иронии и насмешки, относимых к агрессии и развлечению одновременно (Jenks, 2019), рассматривается с позиций возможности применения термина «политейнмент».

Материалом исследования выступил американский политический дискурс 2015–2016 годов, представленный различными речевыми жанрами (РЖ). В общей сложности анализируется восемь текстов дебатов (1–3, 6–7 — дебаты с участием представителей республиканской партии; 3, 6 — дебаты с представителями демократической партии; 1 — президентские дебаты), семь выступлений на митингах (два из них — немецких оппозиционных политиков из партии АдГ, нем. AFD, Alternative für Deutschland) и одно интервью Д. Трампа. Небольшое количество примеров приводится из немецкоязычной и даже русскоязычной дискурсивной практики. При этом мы не ставим перед собой цели сравнения политических дискурсов тех или иных стран. Не входит в задачи исследования и рассмотрение выделяемых коммуникативных явлений в их динамике развития. Цель предпринимаемой работы менее масштабна и состоит в описании агрессивизации и людизации на основе имеющегося языкового материала, обнаружении развлекательных элементов и выделении конкретных способов их реализации в глобальном политическом дискурсе, без учета национальных и культурных особенностей. При этом акцент делается не на различиях, а на сходствах между дискурсивными практиками политиков, которые — при более подробном изучении, — конечно же, могут быть рассмотрены в терминах лингвокультурологии или, к примеру, жанроведения, лингвоперсонологии, гендерной лингвистики.

Методами исследования выступают общенаучные и языковедческие инструменты изучения дискурса. К первым относятся хорошо известные методы наблюдения, сравнения, индукции, классификации. Ко вторым принадлежит лингвопрагматический анализ, «позволяющий сделать выводы об изменении коннотации слова в том или ином контексте и определить прагматическую функцию выявленных речевых фактов» (Копнина, 2020, с. 248), сочетающийся с лингвостилистической оптикой исследования, выделением тропов и риторических фигур. Также находит свое применение критический дискурс-анализ (КДА), в его классической версии предполагающий пристальное внимание к актуальным социальным явлениям и идеологическую ангажированность научного подхода, демонстрируемую, например, в поддержке агентов перемен, а в нашем случае — соотносимую с открытым выражением авторской точки зрения, неизбежно субъективной, на изучаемые коммуникативные процессы. В плане методологии КДА представлен нормативной и эксплицитной критикой.

Понятия «интердискурсивность» и «гибридный дискурс»

В ряде работ термины «дискурс» и «текст» близки или взаимозаменяемы. Интердискурсивность принята через хорошо изученное в лингвистике текста понятие интертекстуальности. По нашему мнению, нельзя провести знак равенства между дискурсом, явлением социального порядка, и текстом — единицей языка. Интердискурсивность манифестируется прежде всего в гибридных дискурсах и может быть интерпретирована как совмещение не столько дискурсов или тем более входящих в них текстов, сколько дискурсивных и социокультурных практик. Гибридный дискурс — интердискурсивное образование, обусловленное взаимопроникновением двух и более институциональных коммуникативных практик или опосредованное пересечением институциональной и неинституциональной коммуникативных сред, ведущим

к становлению обыденных дискурсов, чье существование высвечивает градуальную или условную природу категории «институциональность».

В современном мире гибридные дискурсы конституируются в силу распространения дигитальных технологий и стриминговых платформ (Мальцева, 2022, с. 19). Выделим и такие факторы, способствующие возникновению гибридных дискурсивных пространств, как развитие субкультур и изменение морального климата, с одной стороны, ведущие к становлению дискурсов меньшинств (дискурс ЛГБТ; протестные дискурсы), а с другой — продуцирующие дискурсы реагирования, принимающие характер моральных паник, вовлекающие в орбиту своего воздействия представителей важнейших социальных институтов: политиков, священников, работников СМИ, ученых, педагогов, врачей. Имея доступ к публичному дискурсу, будучи авторитетными личностями, они способны формировать отношение общества к происходящим изменениям, в том числе изменениям коммуникативного характера.

Как и другие типы дискурса, гибридный дискурс — транслятор общественно воспринятого коммуникативного опыта. Однако в отличие от большинства институционально закрепленных видов общения, он обычно наделен маргинальными чертами — в другом смысле слова «маргинальный», на самом деле многозначного, актуального в постмодернистской культуре, что могло бы составить отдельную тему для изучения.

Вариации гибридной коммуникации изучены в меньшей степени, чем традиционно выделяемые дискурсы. Например, под политическим общением понимают выступления значительных государственных деятелей. В данной связи имеет смысл ставить вопрос о губернаторском, сенаторском (думском), министерском, президентском (суб)дискурсах.

Субъектами гибридных политических дискурсов нередко выступают люди, которые не являются агентами собственно политических институтов. Помимо речей политических журналистов, докладов представителей министерств, которые ошибочно с большой политикой не ассоциируются, заслуживает внимания дискурс внесистемной оппозиции, представленной ведущими YouTube-каналов и авторами блогов, выпускающими политический контент.

Отдельно отметим повседневно-бытовое общение на темы политики — в отечественной традиции типичными РЖ в этой связи выступают «политический анекдот» и «кухонный разговор». Современная же политика обсуждается в Интернете, в результате чего возникают такие РЖ, как YouTube-комментарий и политический твит. Активизируют свою работу политические Telegram-каналы. Все это неизбежно ведет к гибридации политического дискурса с рядом коммуникативных пространств и способствует становлению интердискурсивной политической практики, междисциплинарное изучение которой, на наш взгляд, обладает несомненной актуальностью.

Условия становления и функционирования политейнмента. Коммуникативные явления «агрессивизация» и «людизация»

Любая историческая эпоха подвержена влиянию многих, как правило, взаимосвязанных факторов. Говоря о современности, отметим технологизацию, виртуализацию, а в условиях пандемии также и медиализацию человеческих отношений (Булгакова, 2021, с. 85), их коммерциализацию (Мальковская, 2005, с. 4–8), аполитизацию и определенную деморализацию — при всей спорности последнего вопроса вследствие

неоднозначной трактовки самого понятия «мораль». Тем не менее ученые уже давно фиксируют становление обществ изобилия, потребления и спектакля (*фр.* la société du spectacle) (Debord, 2003).

В области коммуникации выделенные социальные тренды обуславливают применение тейнмент-технологий, получающих распространение в различных дискурсах, ведущих к формированию мощной развлекательной индустрии, выходящей за рамки ее изначальных сфер бытования, принимающей очертания гипердискурса — идеологически фундированного дискурса, имеющего широкую социальную представленность, не лимитированного какой-либо тематикой общения, проникающего во все или почти все остальные дискурсы¹. Политейнмент является лишь частью, хотя и несомненно важной, глобальной трансформации коммуникации в *тейнминг*², представляющий собой языковую игру в ее широкой, витгенштейновской концептуализации (*англ.* language game³).

Развлекательный потенциал политики проявляется в трех взаимосвязанных коммуникативных аспектах: концептуальном, тематическом, дискурсивном. Отдельно выделим поведенческие и имиджевые характеристики языковой личности (ЯЛ), предполагающие обращение к теории ЯЛ и имиджелогии. Подробное рассмотрение данных вопросов не входит в задачи исследования, но, как представляется, полностью игнорировать их невозможно. Так, если вести речь о тематической составляющей американской электоральной кампании 2015–2016 годов, следует отметить, что в ходе нее значительная часть времени, отводимого на дебаты, уходила на осуждение поступков и риторики политиков. Учитывая поведенческие моменты функционирования ЯЛ в политейнменте, подчеркнем: не обходилось без эпатажа и употребления инвектив кандидатами в адрес друг друга:

O'MALLEY: ...we must never surrender ... to *terrorists*, must never surrender our Americans values to *racist*, must never surrender to *the fascist pleas of billionaires with big mouths* (здесь и далее курсив наш. — А. А.) (URL). ‘...мы никогда не должны сдаваться на милость ... *террористам*, никогда не должны сдавать наши американские ценности *расисту*, никогда не должны сдаваться, ведясь на *громкие фашистские призывы миллиардеров*’⁴.

В приведенной цитате наблюдается оскорбление губернатором М. О’Мэлли Д. Трампа. И хотя имя идеологического противника говорящим не упоминается — даже более того, в цитируемом предложении инвективы использованы атрибутивно *fascist pleas* и во множественном числе *billionaires with big mouths*, — широкий контекст дискурса позволяет установить, личность кого характеризуют слова *racist* и *fascist*. По мнению демократа, ультраправая политическая деятельность лидера Республиканской партии настолько беспрецедентна, что она — по степени угроз, которые таит в себе, — сопоставима с опасностью, исходящей от террористов.

Понятие «речевая агрессия» достаточно объемное. Оно тесно связано с понятием «политический дискурс» и сочетается в нем со стратегией дискредитации, но в своих

¹ Ср. с ситуацией, описываемой Г. Мотнером, констатирующим небывалое распространение экономической лексики (Mautner, 2010), а также уже упомянутой медикализацией информации, вызванной пандемией и связанной с ней моральной паникой (Булгакова, 2021, с. 85; Передреева, Туватина, 2020; Храброва, 2020).

² По аналогии с «гейминг».

³ Мы различаем языковую игру в широкой ее концептуализации (*англ.* language game) и языковую игру, понимаемую в сугубо лингвистическом смысле этого слова (*англ.* language play).

⁴ Здесь и далее перевод наш. — А. А.

крайних проявлениях — использования обценной лексики, инвектив, актуализации диффамирующих ярлыков, издевок, включения в дискурс элементов богохульства, гомо- и других видов социальной фобии — речевая агрессия в институциональной коммуникации, в отличие от повседневно-бытового общения, традиционно осуждалась. Тот факт, что РЖ, построенные на речевой агрессии и сопутствующей ей невежливости, проникают в политику, свидетельствует об *агрессивизации* публичной сферы в целом, соотносящейся с огрублением речи, уже неоднократно фиксируемом лингвистами.

С позиции лингвистики, как писал еще английский классик Дж. К. Джером, «ничто не оправдывает языковое насилие и грубость» (*nothing excuses violence of language and coarseness of expression*) (Джером, 2014, с. 53), но проблема становится сложнее, если использовать лингвопрагматический подход к ней. Подчеркнем в данной связи полифункциональность речевой агрессии, выполнение ею важных прагматических задач, в числе которых: 1) привлечение внимания адресата (*нем. Aufmerksamkeitserregung*) (Janich, 2012, S. 6); 2) повышение его интереса к происходящему, что особенно важно в условиях аполитизации общества. Задействование речевой агрессии позволяет политику создать себе имидж смелого, решительного человека, «аутсайдера», «не-политика», «человека из простого народа» (прием пропаганды ‘plain folks’), не боящегося бросить вызов политической системе. Стоит отметить и катартическую и защитительную функции речевой агрессии, позволяющие, соответственно, выразить оратору эмоции, и, если не одержать коммуникативную победу над политическим противником, то, как минимум, отстоять в политическом споре свою точку зрения.

Агрессивизация общения неизбежно сближает политический дискурс с повседневными, непрофессиональными дискурсивными практиками, привнося в него людические (*лат. ludo* — играю) элементы. Термин «людизация» указывает на центральность для политического дискурса категории «театральность», в современных условиях фактически коррелирующей с понятием медийности и близкими ей лексемами «медиазация» и «медизация». Усиление игрового, развлекательного характера коммуникации, неразрывно связанного с агрессивизацией, продвигается риторическими приемами. В их числе:

1. Прохождение (упоминание чего- или кого-либо вскользь, как бы невзначай, с демонстративным, притворным — и адресат знает об этом — нежеланием говорить о неприятном, неприличном, неуместном и т. п.)⁵:

TRUMP: We have a president who doesn't have a clue. *I would say he's incompetent, but I don't want to do that because that's not nice.* ‘У нас неосведомленный президент. Я бы сказал, что он некомпетентен, но я не хочу это говорить, потому что это невежливо (URL).

Наблюдаем «конфликт двух смысловых оболочек» (Эрлих, 2016, с. 65) — столкновение эвфемистического и более прямого выражений *not to have a clue* и *to be incompetent*. Д. Трамп как бы отказывается от формулировки, согласно которой его идеологический оппонент некомпетентен, но, на самом деле, ясно, что именно это он имеет в виду.

⁵ Термин «прохождение» встретился в учебнике по риторике (Петров, 2004, с. 116). По имеющимся сведениям, данный термин редко употребляется в лингвистических работах.

Парадокс риторической фигуры прохождения заключается в том, что спорное утверждение, даже если оно осуждается, всегда вербализуется и тем самым невольно оказывается в центре внимания адресата. С помощью прохождения в дискурс искусно привносятся элементы речевой агрессии и одновременно реализуется людический эффект. Происходит своеобразное издевательство над нормами политкорректности — крайне противоречивого понятия, все чаще наделяемого отрицательными коннотациями (Кондакова, Принципалова, 2021; Curzan, 2014, p. 114), а потому отвергаемого, как минимум, политиками правого толка. Это очевидно в следующих примерах:

She says she is a native American. *I won't use word 'Indian' because they say it's not a nice word to use. So I will not say 'Indian'*. 'Она называет себя коренной американкой. Я не буду использовать слово «индианка», потому что они считают, это нехорошее слово. Итак, я отказываюсь говорить «индианка»' (URL).

Или:

I don't want to say politicians, all talk, no action. But a lot of what we talked about is words and it will be forgotten very quickly. 'Я не хочу сказать, что политики много говорят — ничего не делают. Но многое, о чем здесь говорилось, — это на ветер брошенные слова и будет очень скоро забыто' (URL).

Прохождение может инкорпорировать в себя гиперболизацию:

TRUMP: ...Bush, just to put an end to that, because *I don't want to mention him: he is a very nice person, very low-energy, but very nice.* '...Буш, просто чтобы положить конец этому, потому что я не хочу упоминать его: он очень приятный человек, очень медлительный, но очень приятный' (URL).

Или:

TRUMP: Jeb Bush ... who was *a very low-key person, very low-key person. I wanna be low-key because it is nicer than saying low-energy.* 'Джеб Буш ..., который зарекомендовал себя очень флегматичным человеком, очень флегматичным человеком. Я говорю «флегматичный человек», потому что это лучше, чем сказать «неэнергичный»' (URL).

В обоих случаях диффамирующий ярлык *low-energy* произнесен и усилен наречием *very*: в первом случае он поставлен как бы в антонимические отношения с лексемой *nice* и тем самым выделен в речи, во втором — он повторен в его более мягкой форме *low-key* 3 раза. Политик четко дает понять, что *low-key* — это всего лишь «вежливый» способ сказать *low-energy*, а быть «приятным человеком» в контексте сказанного фактически приравнивается к слабости, флегматичности, что отражается в имплицитном переосмыслении слова *nice*: в сочетании с *low-energy*, даже если между этими двумя эпитетами поставлен противительный союз *but*, лексема *nice* едва ли несет какие-либо позитивные коннотации⁶. Такая практика произнесения квази-эвфемистических/комплементарных фраз с умыслом задеть противника, а затем оправдаться тем, что можно было сказать намного грубее, в чем, собственно, и актуализируется прохождение, явно не соответствующая этическим принципам коммуникации, тем не менее отлично реализует людическую функцию языка.

⁶ Ср. с коннотациями слова *nice* в примере выше, где Д. Трамп, говоря '...they say it's not a nice word to use', несколько иронизирует ситуацию — он сам считает, что говорить надо прямо, а не ходить вокруг да около.

Говорить без обиняков, не обращая внимания на нормы вежливости, для ряда дискурсивных сфер, в том числе дипломатической и политической, обычно нехарактерно. Выражаясь открыто, политик, однако, может сформировать для себя имидж честного, искреннего человека, что с прагматической точки зрения — в мире, в котором распространяются негативные стереотипные представления о политиках, — имеет принципиальное значение. Важно понимать, что в таких случаях мы, как правило, имеем дело с игрой в искренность, манипуляцией.

2. Гиперболизация (преувеличение, вплоть до гротеска):

TRUMP: See, you're telling the enemy everything you want to do. No wonder you've been fighting, no wonder *you've been fighting ISIS your entire adult life*. 'Видите, вы рассказываете врагу все, что вы хотите сделать. Неудивительно, что *вы боролись с ИГИЛ всю свою взрослую жизнь*' (URL).

Х. Клинтон, к которой обращены эти слова, родилась в 1946 году. ИГИЛ — террористическая организация, запрещенная в большинстве стран, в том числе в России, — образовалась не ранее 1999 года. Обвинение лидера демократов в том, что она боролась с ИГИЛ *всю свою взрослую жизнь* — явное преувеличение, — даже если оставить в стороне рассмотрение этапов политической карьеры Х. Клинтон, занявшей пост госсекретаря США лишь в 2009 году.

В следующем примере используется даже не гипербола, а гротеск, посредством которого создается эффект комического и дискредитируется политический противник:

TRUMP: Jeb Bush, *a very low-energy individual, signed a pledge — while he was signing it, he fell asleep*. 'Джеб Буш, очень медлительный человек, дал официально подписанное обещание — пока он его подписывал, он заснул' (URL).

Необходимо отметить, что не всегда людизация, передаваемая гиперболой, предполагает речевую агрессию:

Ср.: CARSON: She was very thrifty. I mean *she would drive a car until it would not make a sound*. 'Она была очень экономной. Я имею в виду, что *она водила машину до тех пор, пока та больше не могла издать ни одного звука*' (URL).

В данном высказывании Б. Карсона о своей матери при наличии в нем элемента преувеличения и шутки отсутствует какая-либо речевая агрессия, хорошо прослеживаемая в примерах выше.

3. Языковая игра. И прохождение, и гиперболизация часто сочетаются с инструментом языковой игры. Последняя может выражаться каламбуром:

CARSON: I'm the only one to separate Siamese twins. The only one to operate on babies while they were still in mother's womb. *The only one to take out half of a brain, although you would think, if you go to Washington, that someone had beaten me to it*. 'Среди участников дебатов только я один разделял сиамских близнецов. Я один оперировал еще нерожденных детей. *Я один вынимал половину мозга, хотя, если вы посетите Вашингтон, вы можете прийти к выводу, что некоторые политики преуспели в области мозговых операций больше, чем я*' (URL).

CARSON: She even learned how to play pool because she knew I was a good player. And you know, she actually wins sometimes but most of the times *I beat her. But I should be careful because there is some media in here. And their headline will be: 'Carson admits he beats his wife'* (LAUGHTER). 'Она даже научилась играть в бильярд, потому что она знала, что я хорошо играю. И знаете, она иногда побеждает меня, хотя в большинстве случаев

я не оставляю ей шансов. Однако мне надо быть осторожным в выборе слов, потому что здесь есть журналисты. И заголовок их изданий будет: «Карсон признает, что он тиранизирует свою жену» (СМEX) (URL).

В первом цитируемом высказывании словосочетание *take out half a brain* актуализировано в нескольких значениях: при буквальном осмыслении оно переводится ‘вынимать половину мозга’, при переносном — приобретает дополнительное содержание ‘не быть очень умным’. Последнее — обращено к соперникам республиканца. Обратим также внимание, что политик, основываясь на своем профессиональном опыте врача-хирурга, склонен проводить между публичной и медицинской деятельностью весьма необычные аналогии.

Во втором примере словосочетание *beat her* тоже неоднозначно: с одной стороны, речь здесь идет о том, что Б. Карсон, как правило, лучше своей жены в настольной игре, а с другой — указывается на то, что нечестные журналисты зацепятся за слово и обвинят нейрохирурга в домашнем насилии (глагол ‘beat’ переводится как ‘побеждать’ и ‘бить’). Подчеркнем: сам тематический аспект в данном случае уводит адресата несколько в сторону от острых социально-политических проблем — разговор заходит о досуге семьи кандидата, его счастливой семейной жизни (персональный дискурс). В суппозицию выносятся идея, что СМИ коррумпированы и работают на интересы политического истеблишмента и демократов (идея конспирологического политического мифа 2015–2016 годов), а потому — и это кандидатом обозначается эксплицитно — нужно избегать двусмысленностей.

Употребление языковых игр — лингвокреативный процесс, — и как таковой не исключает использования творчески преобразованных инвектив:

CLINTON: I call it *trumped-up trickle-down*, because that’s exactly what it would be. That is not how we grow the economy. ‘Я называю это *сфабрикованным Трампом просачивающимся богатством*. Так оно и получится. Экономика от этого расти не будет’ (URL).

Эпитет *trumped-up* происходит от фразового глагола *trump up* и на подсознательном уровне отсылает адресата к имени противника Х. Клинтон, тем самым нелестно изображаемому: отрицательные коннотации лексем ‘trump up’ невольно ассоциируются с Д. Трампом.

Иногда посредством языковой игры имя собственное трансформируется в нарицательное:

SANDERS: And somebody like a *Trump* comes along and says... ‘И какой-нибудь *Трам* появляется и рассказывает...’ (URL).

SANDERS: And where we are right now is we have got to stand up to *the Trumps of the world* who are trying to divide us up. ‘И на данном этапе нам необходимо противостоять *Трам* этого мира, пытающимся нас разъединить’ (URL).

4. Эвфемизация.

TRUMP: You could see there was blood coming out of her eyes, *blood coming out of her whatever*. ‘Вы могли видеть, у нее были красные глаза, *кровь текла из одного места*’ (URL).

Слово *whatever* в данном контексте может относиться к любой части лица или тела, и совсем непонятно, что имел в виду Д. Трамп, хотя у многих не без оснований возникли подозрения, что говорящий намекал на физиологический цикл женщины,

дискредитируя ее на основании гендерной принадлежности. Лексема *whatever* выступает эвфемизмом слова, которое Д. Трамп, конечно, хорошо знает и которое — по несчастливому для республиканца совпадению обстоятельств — попало на видеозапись⁷, чуть было не поставившую точку в его политической карьере.

5. Дисфемизация. Пример из немецкой дискурсивной практики:

WEIDEL: Ich zitiere: «Falls Sie in einem Land leben, in dem Sie für das Fischen ohne Anglerschein bestraft werden, jedoch nicht für den illegalen Grenzübertritt ohne gültigen Reisepass, dann haben Sie das volle Recht zu sagen, dieses Land wird von *Idioten* regiert». ‘Я привожу цитату: «Если вы живете в стране, в которой вас штрафуют за ловлю рыбы без документа, позволяющего вам рыбачить, в то время как нелегальное пересечение границы без загранпаспорта никак не преследуется, у вас есть полное право сказать: этой страной правят *идиоты*»’ (URL).

Использование дисфемизмов в политической коммуникации может быть опасной стратегией. Чтобы смягчить эффект сказанного — а говорилось это даже не на политическом митинге, а в здании Бундестага, — политик прибегает к технике цитирования. Тем не менее следует считать, что, пусть и косвенное, обзывание людей, находящихся во власти, *идиотами* идет вразрез не только с нормами политкорректности, но и с любыми этическими принципами. Причем такая формулировка может продвигать тренд не только на агрессивизацию, но и на людизацию — и людический характер инвектив уже отмечался в лингвистической литературе (Leech, 2014, p. 219).

Еще пример дисфемизации:

RUBIO: I will never allow the conservative movement to be taken over by the *con artist*. ‘Я никогда не позволю *мошеннику* встать во главе американского консервативного движения’ (URL).

Обзывание своего политического оппонента *мошенником* повышает градус речевой агрессии в дискурсе, сближает политическое общение с бытовым.

К явлению дисфемизации могут быть отнесены и многие диффамирующие ярлыки, хотя они, как правило, используются в качестве полушуточных фраз, отражающих скорее другое коммуникативное явление, а именно ювенилизацию — намеренное подражание речи подростков [Галичкина, 2019, с. 98].

6. Иронизация. Иронизировать политики могут над чертами своего противника, а также над характером отношений с ним, как в следующей реплике:

Jeb BUSH: *I kind of miss Donald Trump. He was a little teddy bear to me. (LAUGHTER). We always had such a loving relationship in these debates and in between and the tweets. I kind of miss him. I wish he was here. ‘Я немного даже скучаю по Д. Трампу. Он был маленьким плюшевым мишкой для меня. (СМЕХ). У нас были такие теплые отношения во время дебатов, и между ними, и в переписке в твиттере. Я немного даже скучаю по нему. Как жаль, что он сегодня не с нами’* (URL).

Ср.: BAUM: Und deshalb schicke ich von hier aus einen Gruß nach Berlin an *unsere geliebte Kanzlerin. Frau Doktor Merkel*, wir kommen und ihre gemütliche ruhigen Stunden im Bundestag sind ein für alle Mal vorbei. ... Sie, *Frau Merkel und Co.*, Sie werden die Verantwortung dafür übernehmen müssen, was Sie unserem Volk angetan haben. ‘И поэтому, находясь здесь, я шлю приветствие в Берлин *нашему любимому канцлеру, Фрау Меркель. Госпожа канцлер*, мы скоро придем в Берлин. Ваши спокойные, счастливые часы в Бундестаге

⁷ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PwWux5BAczk> (дата обращения: 24.02.2020).

раз и навсегда ушли в прошлое. ... *Вы, Фрау Меркель, и ваши лобби, вы должны будете ответить за то плохое, что вы сделали нашему народу*' (URL).

В редких случаях, как правило, руководствуясь добрыми намерениями, политики могут иронизировать над внешностью своих коллег, но в рамках политейинмента такие табу не действуют — в политейинменте ирония принимает форму не просто насмешки, но и издевки, колкости:

TRUMP: *Look at that face! Would anyone vote for that? 'Посмотрите на это лицо! Кто-нибудь будет голосовать за нее⁸?*'(URL).

Иногда ирония приобретает черты самоиронии. В таком случае она едва ли может быть названа формой речевой агрессии, хотя ее людический потенциал от этого не уменьшается, о чем свидетельствуют экстралингвистические маркеры, прежде всего смех аудитории:

CRUZ: *I'm too agreeable, easy going. (LAUGHTER). 'Я слишком большой конформист, добродушный человек. (CMEX)'* (URL).

Ср.: CRUZ: ...*let me say I'm a maniac and everyone on this stage is stupid, fat, and ugly. And Ben, you're a terrible surgeon. (LAUGHTER). '...позвольте мне признаться: я маньяк, и все мои коллеги глупые, толстые и некрасивые. А вы, Бен, плохой хирург (CMEX)'*. (URL).

Самоирония позволяет сократить социальную дистанцию с потенциальным адресатом, актуализировать максимум скромности:

Jeb BUSH: *And I wrote a book about this called Immigration Wars. You can get it at \$2.99 on Amazon. It's not a bestseller. I can promise you. (LAUGHTER). 'И я написал книгу об этом, которая называется «Иммиграционные войны». Вы можете купить ее онлайн за 3 доллара. Эта книга не бестселлер, я должен вам в этом признаться (CMEX)'* (URL).

7. Эффекты обманутого ожидания и саспенса, иногда передаваемые чисто синтаксически с помощью фигуры речи, известной как пролеписис.

TRUMP: *And you know what else they say about my people? The polls. They say I have the most loyal people. 'А знаете, что еще известно о моих сторонниках? Из опросов общественного мнения. Мои сторонники самые преданные'* (URL).

В оригинале пролеписис манифестируется в употреблении вначале личного местоимения — *they*, — а лишь затем уточнения, кого говорящий имел в виду под *ними*. Такой необычный синтаксис позволяет политику выстроить диалог с аудиторией, заинтересовать ее в том, что говорится. Для этого также используется ответно-вопросная форма подачи информации. В приведенном примере отсутствует элемент речевой агрессии, но он весьма показателен в плане анализа синтаксических средств риторического воздействия.

Эффект обманутого ожидания, переданный лексико-синтаксическими средствами, предполагает, что политик говорит нечто неожиданное:

ЗЕЛЕНСКИЙ: *У меня есть юридическое образование. И это плюс. Но нет опыта работы в политике. И это жирный плюс!* (CMEX) (URL).

Политик заводит речь о своем образовании, далее следует противительный союз *но*, и адресат невольно готовится услышать слабые стороны личности кандидата

⁸ Речь идет о женщине, К. Фиорине.

в президенты. Вместо этого следует утверждение, что отсутствие опыта работы в политике — это, на самом деле, его главное преимущество, что в какой-то степени парадоксально, но не должно никого удивлять в свете все более укореняющегося в обществе стереотипно-негативного видения фигуры государственного деятеля — даже неважно, о ком идет речь, — соотносящегося с аполитизацией и, как следствие, нежеланием людей принимать участие даже в выборах, ведь «политика — это грязное дело».

8. Лингвистическая апроприация (предполагает заимствование инвективы из дискурса соперника и ее переосмысление)⁹.

Elizabeth WARREN: I've got news for you, Donald Trump. Women have had it with guys like you. And nasty women have really had it with guys like you. Get this, Donald, *nasty women* are tough, *nasty women* are smart and *nasty women* vote. And on November the 8th we, *nasty women*, are gonna march our *nasty feet* to cast our *nasty votes* to get you out of our lives forever. 'У меня для вас новости, Дональд Трамп. Женщинам такие мужчины, как вы, надоели. И *противным женщинам* такие мужчины, как вы, надоели вдвойне. Поймите, наконец, Дональд, *противные женщины* — сильные, *противные женщины* — умные, и *противные женщины* голосуют. И 8-го ноября мы, *противные женщины*, пойдем своими *противными ногами* на выборы и отдадим свои противные голоса за то, чтобы вы навсегда исчезли из нашей жизни' (URL).

Сенатор Э. Уоррен, сторонница Х. Клинтон, воспользовалась инвективой Д. Трампа *nasty woman*. Это словосочетание полностью переосмысливается в ее речи — *противные женщины* наделяются серией положительных качеств: стойкостью, умом, готовностью бороться за свои права. Эпитет *nasty* применен не только к женщинам, но и к их протестным голосам — против Д. Трампа.

Заключение

В работе рассмотрены два коммуникативных явления политики, опосредующие ее превращение в политейнмент, нередко, как показывает предпринятое исследование, действующие вместе, — агрессивизация и людизация. Первый — манифестируется в отвержении говорящими не просто норм политкорректности, но и этических коммуникативных принципов, способствуя привнесению в дискурс инвектив, диффамирующих ярлыков и невежливости в целом. Второй — заключается в увеличении в общении элементов развлекательности, языковой игры, что соотносится со становлением тейнмент-дискурса, объединяющего различные тейнмент-субдискурсы, как гипердискурса.

Агрессивизация и людизация распространяются в результате искусного владения политиками соответствующими, часто манипулятивными техниками говорения, в ряде случаев в силу своей интерактивности и внешней безобидности способствующими смягчению социально неодобряемых аспектов невежливости. Предложенная в статье классификация языковых приемов, конечно же, не является исчерпывающей, но, на наш взгляд, может быть применена для лингвистического анализа политики, равно как и других сред тейнмент-общения.

⁹ Этот прием описан в следующих работах: (Копнина, 2020; Серебряк, 2019; Curzan, 2014, p. 141).

Коммуникативные явления «людизация» и «агрессивизация», помимо их имманентности политическому дискурсу, соотносятся, по всей видимости, с дискурсивными практиками: 1) специфических программ массмедийной сферы, глобальной кино- и музыкальной индустрии, спортивных передач, прежде всего связанных с боевыми искусствами; 2) повседневно-бытового общения; 3) молодежной среды. Все они, по нашему мнению, пересекаясь с политической темой, ложатся в основу становления и функционирования политейнмента как сложного интердискурсивного образования, кроме агрессивизации и людизации, подверженного еще как минимум трем процессам — *медизации, симплизации, ювенилизации*. Их изучение — вектор последующих исследований.

Список источников

1. Семенова, Т. И., & Скулимовская, Д. А. (2022). Фреймовая модель интерпретации речевого акта предупреждения в англоязычном политическом медиадискурсе. *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*, 4(35), 83–98.
2. Kinzel, U. (2000). *Ethische Projekte. Literatur und Selbsttug im Konetext des Regierungsdenkens. Humboldt, Goethe, Stifter, Raabe*. Vittorio Klostermann.
3. Мальцева, И. А., & Лебединская, В. Г. (2022). Развитие киберспортивной журналистики в контексте становления спортивного дискурса: опыт анализа медиатекста регионального сетевого издания «Юга.ру». *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*, 1(114), 84–90.
4. Мальцева, И. А. (2022). Проблемы и перспективы развития киберспортивной журналистики. *Международный научно-исследовательский журнал*, 4(118), 19–22.
5. Leonard, A. (2010). *Political poetry as discourse. Rereading John Greenleaf, Whittier, Ebenezer Elliott, and hip-hop-ology*. Rowman & Littlefield publishers, Inc.
6. Жувенель, Б. де. (2011). *Власть: естественная история ее возрастания*. Мысль.
7. Грошева, А. В. (2022). Политейнмент-дискурс: к определению понятия. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 4, 31–37.
8. Стырина, Е. В., & Мартиросян, А. А. (2021). Элементы фикциональности в медиатекстах: столкновение реального и вымышленного. *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 1, 92–105.
9. Dörner, A. (2001). *Politainment: Politik in der medialen Erlebnisgesellschaft*. Suhrkamp Verlag.
10. Jenks, C. (2022). Mock News: On the discourse of mocking in U. S. televised political discussions. *Discourse & Communication*, 16(1), 58–75.
11. Копнина, Г. А. (2020). Речевое сопротивление навешиванию политических ярлыков как способ защиты в информационно-психологической войне. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 11, 248–253.
12. Булгакова, А. А. (2021). Создавая новый мир: принципы трансмедийного сторителлинга в новостном дискурсе о пандемии COVID-19. *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 3(42), 82–90.
13. Мальковская, И. А. (2005). *Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы*. КомКнига.
14. Debord, G. (2003). *La société du spectacle*. Champ Libre.
15. Mautner, G. (2010). *Language and the market society. Critical reflections on discourse and dominance*. Routledge.
16. Передреева, М. А., & Туватина, А. Р. (2020). Формирование массовых настроений: моральная паника и СМИ. *Форум молодых ученых*, 538–542.
17. Храброва, Е. С. (2020). Конструирование дискурса алармизма в медиaprостранстве Великобритании (на материале освещения пандемии COVID-19). *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2(37), 152–161.

18. Джером, Дж. К. (2014). *Лучшие произведения Джерома К. Джерома*. Эксмо.
19. Janich, N. (2012). *Handbuch Werbekommunikation. Sprachwissenschaftliche und interdisziplinäre Zugänge*. Francke Verlag.
20. Петров, О. В. (2004). *Риторика*. Учебник. Прием.
21. Эрлих, С. Е. (2016). *Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий*. Нестор-История.
22. Кондакова, Е. А., & Принципалова, О. В. (2021). Лингвокогнитивная структура немецкого дискурса о политкорректности: история и современность. *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2, 143–156.
23. Curzan, A. (2014). *Fixing English. Prescriptivism and language history*. Cambridge University Press.
24. Leech, G. (2014). *The pragmatics of politeness*. Oxford University Press.
25. Галичкина, Е. Н. (2019). Типология речевых жанров сетевой компьютерной коммуникации. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 2(135), 97–100.
26. Серебряк, А. Н. (2019). Лингвистическая дискриминация и лингвистическая апроприация как примеры феномена двойственного сознания в США. *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 1, 134–148.

References

1. Semenova, T. I., & Skulimovskaya, D. A. (2022). Frame modeling of the speech act of *warning* in English political mediadiscourse. *Crede Experto: transport, society, education, language*, 4(35), 83–98. (In Russ.).
2. Kinzel, U. (2000). *Ethische Projekte. Literatur und Selbstung im Konetext des Regierungsdenkens. Humboldt, Goethe, Stifler, Raabe*. Vittorio Klostermann. (In German).
3. Mal'tseva, I. A., & Lebedinskaya, V. G. (2022). Development of Esports journalism in the context of formation of sports discourse: experience of analyzing the media text of the regional online publication «Yuga.ru». *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 1(114), 84–90. (In Russ.).
4. Mal'tseva, I. A. (2022). Problems and prospects of development of esports journalism. *International Research Journal*, 4(118), 19–22. (In Russ.).
5. Leonard, A. (2010). *Political poetry as discourse. Rereading John Greenleaf, Whittier, Ebenezer Elliott, and hip-hop-ology*. Rowman & Littlefield publishers, Inc. (In English).
6. Zhuvenel', B. de. (2011). *Power: natural history of its growth*. Mysl'. (In Russ.).
7. Grosheva, A. V. (2022). Politainment discourse: to the definition of the concept. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, 4, 31–37. (In Russ.).
8. Styrina, E. V., & Martirosyan, A. A. (2021). Elements of Fictionality in Media Texts: Facts vs Fiction. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 1, 92–105. (In Russ.).
9. Dörner, A. (2001). *Politainment: Politik in der medialen Erlebnisgesellschaft*. Suhrkamp Verlag. (In German).
10. Jenks, C. (2022). Mock News: On the discourse of mocking in U. S. televised political discussions. *Discourse & Communication*, 16(1), 58–75. (In English).
11. Koptina, G. A. (2020). Verbal resistance to political labelling as a defensive means in information-psychological war. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 11, 248–253. (In Russ.).
12. Bulgakova, A. A. (2021). Creating a new world: transmedia storytelling principles in the COVID-19 pandemic discourse. *Actual Issues of Contemporary Philology and Journalism. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 3(42), 82–90. (In Russ.).
13. Mal'kovskaya, I. A. (2005). *Communication sign. Discourse matrices*. KomKniga. (In Russ.).
14. Debord, G. (2003). *La société du spectacle*. Champ Libre. (In French).
15. Mautner, G. (2010). *Language and the market society. Critical reflections on discourse and dominance*. Routledge. (In English).

16. Peredreeva, M. A., & Tuvatina, A. R. (2020). The formation of mass vibes: moral panic. *Forum molodyh uchenykh*, 538–542. (In Russ.).
17. Khrabrova, E. S. (2020). Constructing of alarmist discourse in the UK media (on the basis of COVID-19 pandemic media coverage). *Actual Issues of Contemporary Philology and Journalism. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2(37), 152–161. (In Russ.).
18. Jerome, J. K. (2014). *The Best of Jerome K. Jerome*. Eksmo. (In Russ.).
19. Janich, N. (2012). *Handbuch Werbekommunikation. Sprachwissenschaftliche und interdisziplinäre Zugänge*. Francke Verlag. (In German).
20. Petrov, O. V. (2004). *Rhetoric: student's book*. Priem. (In Russ.).
21. Erlikh, S. E. (2016). *War of myths. The memory about Decembrists on the millennium frontier*. Nestor-Istoriya. (In Russ.).
22. Kondakova, E. A., & Printsipalova, O. V. (2021). Discourse on the Linguistic Implementation of the principles of Political Correctness in German Political Linguistics. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2, 143–156. (In Russ.).
23. Curzan, A. (2014). *Fixing English. Prescriptivism and language history*. Cambridge University Press. (In English).
24. Leech, G. (2014). *The pragmatics of politeness*. Oxford University Press. (In English).
25. Galichkina, E. N. (2019). Typology of speech genres of network computer communication. *Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2(135), 97–100. (In Russ.).
26. Serebryuk, A. N. (2019). Linguistic discrimination and linguistic appropriation as the examples of double consciousness in the U. S. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 1, 134–148. (In Russ.).

Информация об авторе

Александр Борисович Алексеев — кандидат филологических наук, доцент кафедры профессиональной языковой подготовки Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Information about the author

Alexander B. Alexeyev — PhD (Philology), Associate Professor, Professional Language Preparation Department, The Russian Academy of Economics and State Service by the President of the Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.